

В.С. Батури^{1*}, С.Е. Шакиров²¹Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан;²Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: baturin_vs@mail.ru, simba_004@mail.ru)

Суд биев как социальный феномен в культуре кочевого казахского народа

Статья посвящена рефлексивному осмыслению достижений кочевого казахского народа в преодолении ими в жизни различного рода конфликтов. Методология деятельностного подхода, как альтернатива современному традиционному «натурализму», позволила выявить ряд базовых принципов, благодаря которым предкам удавалось самостоятельно справляться с разрешением всего многообразия возникавших перед ними жизненных проблем. Выявлено, что самоорганизация, как определяющий природосообразный принцип существования всего живого на Земле, благодаря народной памяти, получил своеобразное «опредмечивание» в виде сакрально значимых норм, составивших основу обычного права казахов. А институт посредничества в кочевой цивилизации казахов явился продуктом социального творчества самих кочевников. Этому во многом способствовало такое социальное изобретение кочевников, как суд биев. Именно они на профессиональной основе, путем использования норм обычного права, осуществляли оказание посреднических услуг среди своих сородичей при разрешении различного рода конфликтных ситуаций. При содействии людской памяти происходила своеобразная селекция тех качеств, которыми должны были обладать сами бии. Она же способствовала и отработке тех процессуальных норм, которыми бии обязаны были руководствоваться в своей профессиональной деятельности, верша справедливый суд. Знание и учет специфики исторического наследия кочевой цивилизации при разрешении конфликтов могут оказать содействие в выработке суверенным Казахстаном собственной стратегии в противостоянии современным угрозам «пандемии синдрома «многополярного хаоса».

Ключевые слова: конфликт, справедливость, посредничество, частное право, суд биев, традиции, самосохранение, субъект-объектная парадигма, гласность, преемственность.

Введение

Турбулентный характер происходящих глобализационных процессов, пугающих непредсказуемостью своих дальнейших последствий; непреходящая угроза неминуемости мирового экономического кризиса; обвальное падение недоверия между ведущими мировыми державами; рост конфликтности практически во всех важнейших сферах жизни общества и т.д. сегодня уже явно привели к тому, что практически все мировое сообщество оказывается выброшенным из «зоны относительно привычного комфорта».

В этой связи и события, имевшие место в 2014 г. в Украине, практически поставившие под угрозу всю архитектуру безопасности существующего миропорядка; и протестные выступления населения государств, представляющих собой оплот мировой демократии, выражавших с диаметрально противоположных позиций свое отношение к законодательно принимаемым мерам в связи с COVID-19; и трагизм январских событий 2022 г. в Республике Казахстан характеризует одна общая особенность. Формат демократического обустройства мира, безоговорочно сводимого к тому, что «право потому и «право», что оно, закрепленное в юридических законах, «говорит о правах и свободах», явно далек от своей безупречности.

О чем все нагляднее свидетельствует явно усиливающаяся приверженность не только отдельных людей, но даже целых стран и их различных групп ярко выраженной политике «двойных стандартов». В одинаковой мере это прослеживается как в отношении к уже устоявшимся законодательно правовым нормам, регулирующим внутри- и межгосударственные отношения, так и к трактовке тех ситуаций, которые, якобы, требуют замены этих норм на «новые правила». Поэтому не случайно отмечается, что «...современную ситуацию по своему накалу, жесткому санкционному противостоянию и непредсказуемым последствиям для всего мира без преувеличения можно назвать беспрецедентной» [1].

* Автор-корреспондент. E-mail: baturin_vs@mail.ru.

Казахстан, как суверенное государство, в подобных условиях вынужден не только адекватно реагировать на весь комплекс уже накопившихся и возникающих перед ним проблем, но и оказывается перед острой необходимостью выработки своей собственной стратегии в организации всех сфер своей дальнейшей, как внутри-, так и внешнеполитической жизнедеятельности. Однако в этой связи, как вполне справедливо отмечается, «необходимо обеспечить верховенство права и качество отправления правосудия» [2].

Как показали уже сложившиеся реалии в стране, здесь требуется не только упование на чужой опыт. Большую помощь в этом может оказать рефлексивное переосмысление своей «собственной культуры» и учет собственного «национального кода». Ведь именно они аккумулируют в себе тот опыт в процессе разрешения всевозможных острых жизненных ситуаций и даже различного рода военных конфликтов, который был наработан народом в его многовековой истории.

Методология и методы исследования

Ретроспективный взгляд в контексте деятельностного подхода на историю формирования самобытной культуры казахского народа позволяет несколько иначе взглянуть на наиболее характерные особенности, благодаря которым его предкам удавалось самостоятельно справляться со всем многообразием возникавших перед ними жизненных коллизий. Использование именно данной методологии выступает в качестве альтернативы традиционно доминирующему натурализму, столь характерному для подавляющего большинства современных исследований в данной сфере.

Как показывает практика, данный способ познания феномена путем получения представления о нем в формате «копирования с натуры», вовсе не служит надежным гарантом выявления его подлинной сущности. Особенно это затруднено при исследовании особенностей кочевой цивилизации, которая оставила о себе не так уж и много материальных свидетельств. А отсутствие письменности у кочевников в этом случае, как правило, во многом компенсируется за счет обращения к данным совсем иного характера.

В этой связи деятельностный подход позволяет несколько в ином ракурсе рассмотреть истоки тех системообразующих принципов, которые, собственно, и обеспечивали кочевникам их самоорганизацию и самосохранение в непростых жизненных условиях. Ведь вне индивидуальной жизнедеятельности как отдельного человека, так и различных видов, и форм коллективного взаимодействия людей между собой, вообще не может существовать ни один тип социума, равно как и история общества в целом.

Обсуждение

Власть силы и сила власти [социальной нормы (закона)], вот что роднит человека с животными и служит его основным отличием от них. Господство сильного над слабым — это норма жизни, царящая в мире животных. Люди, находившиеся в тесной взаимосвязи с природой, как, например, кочевники, не отделяли себя от нее. И эта природоподобность была естественной. Но уже даже здесь, как отмечал Ортега-и-Гассет, человек обладает «привилегией» временно отвлекаться от окружения и самоуглубляться, «уходить в себя». И это оборачивается для него возможностью «творить идеи о мире, о вещах и о собственной связи с ними». И с этим арсеналом он «вновь погружается в мир, чтобы действовать в нем уже согласно готовому плану. Это — действие, активность, *praxis*. Стало быть, о действии можно говорить лишь в той мере, в какой оно направляется предварительным созерцанием; и, наоборот, самоуглубление всегда представляет собой проект грядущего действия» [3; 489].

В этом смысле «проект грядущего действия» кочевника, как некая абстрактная природосообразная схема, по своей сути становится уже искусственным изобретением. И именно этим он все чаще начинает пользоваться в своей конкретной практической деятельности. Что, в итоге, и способствовало трансформации образа жизни кочевников из естественно-естественного (природного) в естественно-искусственный (социальный) способ существования.

Люди замечали, что жизнь в животном мире изобилует различного рода столкновениями, стычками, борьбой, несущими увечье и даже угрозу жизни соперникам. Но при этом проявляется как бы негласный закон природы, жизнь на земле не должна прерываться. Самосохранение — системообразующий принцип существования всего живого на Земле. Считая себя составной частью природы, кочевники вряд ли помышляли о том, чтобы возвыситься над нею или игнорировать ее законы.

Однако когда возникали случаи, по их мнению, несправедливого отношения к ним даже самой природы, в виде всевозможного рода природных катаклизмов, то уже тогда зарождались образы идей

в поисках того (как некой третьей силы), к кому можно было бы обратиться за помощью. В качестве этой силы, как известно, кочевники стали признавать само Небо (Тенгри) в качестве «высшего представителя всех сил природы». Позже, при решении менее масштабных конфликтных ситуаций, люди, по аналогии, искали выход, обращаясь к опыту более пожилых людей.

Их преимущество перед другими состояло в том, что в своей памяти они хранили то, что в борьбе с возникавшими трудностями позволяло выжить как им лично, так и их наличному окружению. Следование же этому опыту вселяло определенную надежду у людей на успех в преодолении возникших уже перед ними непростых жизненных затруднений. Со временем этот жизненно полезный опыт получал своеобразное «опредмечивание» в виде сакрально значимых обычаев, традиций и норм, которые кочевники считали ничем иным, как завещанием самих предков.

Именно подобного рода нормы стали составлять основу обычного права казахов. Особенность данного вида права, с одной стороны, состоит в том, что оно являлось производным наследия кочевой цивилизации вообще. То есть отражало собой единство традиционного, хозяйственного, бытового образа жизни всех кочевых народов. С другой стороны, в силу относительно обособленного существования в природных, климатических и географических условиях кочевники-казахи локально сформировали свой вариант тюркоязычной культуры Великой Степи.

Казахское обычное право было тесно переплетено с нормами патриархально родового строя. В силу своей ценности, обеспечивавшей самосохранение жизни людей, эти нормы становились своеобразным «посредником», к которому люди стремились обращаться при разрешении различного рода жизненных затруднений.

Как во взаимоотношениях с природой, так и по отношению к сакрально значимым для него обычаям предков, кочевник безоговорочно воспринимал себя объектоподобным. И эта форма его существования в процессе продвижения от натуроморфного к социоморфному образу жизни особых изменений не претерпевала. Отдельный человек и не помышлял о том, что он мог выступать творцом условий своей жизни. Не он, а именно локальная кровнородственная общность была для степняка-казаха подлинным субъектом всего комплекса существовавших вокруг него социально значимых взаимоотношений. Что в немалой степени способствовало становлению института кровного и родового генеалогического родства и обеспечивало воспроизводство родоплеменных традиций.

Кочевник-казак чувствовал себя защищенным, лишь ощущая свою принадлежность и включенность в определенный вид кровнородственных связей и отношений. И беспрекословное следование требованиям связанных с этим общепринятых норм, как коллективной, так и индивидуальной жизнедеятельности, для него являлось первостепенной обязанностью. А это, в свою очередь, являлось основой определенной уверенности и даже весьма надежным гарантом того, что в трудную минуту он был вправе рассчитывать на помощь своих родственников. Ведь характер выполнения этих обязанностей и их соответствие мере предъявляемых при этом человеком своих претензий на определенные права находились под пристальным и неустанным надзором весьма строгого судьи. В данном случае эту функцию весьма эффективно осуществляла сила мнения его наличного социального окружения. И именно к этому мнению, как своеобразному посреднику-судье, мог обратиться любой, если он начинал чувствовать себя незаслуженно притесняемым со стороны отдельной части своих сородичей.

Таким образом, принцип взаимообусловленности и взаимозависимости прав от обязанностей в определенной мере был смоделирован кочевниками по образу существования окружающей их природы. И именно он становился для них системообразующей основой зарождения и формирования всех последующих видов правоотношений, регулировавших их уже социоморфный способ существования.

Этот же принцип явился основополагающим и в организации социальной структуры кочевого казахского общества, где между семьями, родами и жузами существовала своя родоплеменная иерархия. Как следствие, место конкретного человека в системе имевших место общественных взаимоотношений определялось, с одной стороны, его сословной и родовой принадлежностью. А с другой — степенью привилегированности его семьи, рода, жуза, племени среди тех, кто населял Великую Степь. В силу чего авторитет человека в большей мере уже априорно зависел от закрепленной в сознании людей влияния той семьи и рода, к которому он принадлежал, и от того статуса, который этот род занимал в устоявшейся степной родоплеменной иерархии.

Для кочевников-казахов, в случае возникновения конфликтов, в первую очередь, интересы рода являлись основой при определении путей и способов их разрешения. Ибо тогда его героизм, отвага или, наоборот, демонстрация подлости, трусости и других негативных проявлений силой обществен-

ного мнения практически как бы автоматически экстраполировалась не только на его непосредственных родственников, но и на всех бывших и даже на будущих представителей его рода.

Этому во многом способствовало весьма действенное, искусственное изобретение самих кочевников. Традиционно всякий ребенок с детства должен был безошибочно знать и постоянно помнить, как святую заповедь, родословную своей семьи до седьмого колена. Обучение этому вменялось в обязанность представителям старшего поколения. Естественно, что подобная родословная состояла не только из одних имен его предков. Одновременно она включала в себя их славные дела и благовидные поступки. Конечно же, все это преподносилось на фоне демонстрации тех помыслов, принципов и чувств, которыми они руководствовались при этом.

Таким образом, человек уже с малых лет был обязан знать и помнить о персональной ответственности за то, какую память своими, пусть даже каждодневными действиями он сможет оставить потомкам. И даже не столько о самом себе, сколько, в первую очередь, о своей семье, родственниках, а через это — и о своем роде в целом. Конечно, каждая семья в своей родословной стремилась зафиксировать о себе как можно больше благовидных поступков. Не забывая, как бы мимоходом, продемонстрировать это на фоне проступков других своих сородичей. А также представителей других родов, и, конечно же, о злодеяниях своих врагов.

В условиях отсутствия письменности именно народная память обеспечивала сохранность и самих принципов, и выработанных на их основе норм как индивидуальной, так и коллективных форм жизнедеятельности. При этом «распредмечивание» кладезя народной мудрости, содержащегося в этой памяти, и своеобразное «опредмечивание» этой мудрости в каждом конкретном случае осуществлялось как бы по «горизонтали» и по «вертикали». В первом случае, отдельный удачный (равно как и неудачный) коллективный успех при разрешении важной жизненной проблемы, конфликта, благодаря народной молве, практически одновременно мог стать достоянием и наглядным образцом для подражания, или, наоборот, осуждения среди других соплеменников.

Во втором случае, если варианты применения норм обычного права свою эффективность и жизнеспособность подтверждали неоднократно, то, благодаря все той же народной памяти, они передавались кочевниками из поколения в поколение. Равно как и то, что влекло за собой особо опасные, или даже трагические социально значимые последствия. На основе данного принципа устного формирования, сохранения и обязательной передачи по наследству важнейших моментов и последствий жизнедеятельности самого народа, именно родовая память в казахском традиционном обществе являлась одним из системообразующих скрепов, способствовавших самоорганизации и самосохранению самобытной кочевой культуры казахов.

Особая заслуга в этом принадлежит изобретенной ими судебной системе. «Суд, как публичный орган, — по вполне справедливому замечанию С.З. Зиманова, — во все времена и эпохи был и остается критерием и символом власти и управления, по которому в первую очередь судили о власти о ее приверженности демократии и интересам народа. Как правило, такое представление превалирует у тех слоев населения, которые больше относятся к объектам — участникам судебного разбирательства, ощущаемым на себе отношение и тяжесть судебной власти, и меньше всего проявляется у тех, кто стоит на верхней ступеньке власти и творит суд» [4; 25].

И здесь следует обратить внимание на одно, весьма существенное обстоятельство. Несмотря даже на всю природосообразность и архаичность, именно кочевой цивилизации казахов удалось избежать того, что в современном цивилизованном мире характеризует фактическое отношение тех, «кто стоит на верхней ступеньке власти и творит суд» к остальной, окружающих их объектоподобной массе. Естественно, всем своим существом отдельный кочевник в своей индивидуальной жизнедеятельности волей наличных природных, исторических и социальных условий, в принципе, был просто обречен на объектоподобное существование.

Но именно кочевникам удалось отработать такой социальный механизм, который позволил им в определенной степени минимизировать последствия влияния таких факторов, как семейные, родственные отношения, знатность происхождения, богатство, наличие властных полномочий и т.п. при достижении справедливости в разрешении различного рода жизненных конфликтов. Особую роль в достижении этого на практике стал играть вид судопроизводства, осуществляемый в лице специальных судей — биев. Их основной функцией стало оказание среди сородичей своего рода «посреднических услуг», творя справедливый суд на вполне профессиональной основе.

Естественно, в жизни кочевников решение той или иной проблемной ситуации во многом напрямую зависело от мнения и воли старейшин, богатых сородичей, баев, султанов, ханов. Но в си-

ду именно этой их привилегированности это не всегда могло совпадать с той оценкой на справедливость, которую их решению могла дать теперь уже народная молва. Ведь глубокое знание каждым своей родословной одновременно хранило и сведения о тех вариантах однотипных решений, которые слыли в обществе действительно справедливыми.

Деятельность биев, как важнейшая составляющая института посредничества, вбирала в себя те черты, которые были характерны для кочевников-праказахов, а затем их потомков — казахов. «В казахской обычно-правовой культуре отработан целый пласт принципов и норм, определяющих суть и статус судьи-бия, которые прочно вошли в правовое сознание народа и определяли во многом содержание его традиционного менталитета» [4; 18].

Их деятельность, в первую очередь, была основана на безоговорочном соблюдении канонов обычного права и служении идее достижения примирения. И осуществлялась все это при разрешении любого жизненного затруднения на основе соблюдения принципа справедливости. Как гласила народная мудрость: «Поклонись справедливости, если она высказана даже и рабом твоего отца». Что, в конечном итоге, во многом способствовало сохранению единства в обществе, и самосохранению самой кочевой цивилизации на протяжении многих веков. Ибо, как считалось в народе: «Благоденствие народу принесет би, а не богач» [4; 396].

Здесь следует отметить, профессиональному осуществлению данной деятельности на практике во многом способствовала все та же родовая память. Само собой, что деяниям представителей высшего состава родоплеменной знати, военачальников, отважных воинов-батыров уже априорно была гарантирована возможность попасть в анналы народной памяти. А вот деятельность бия могла прославить человека, его семью и весь его род даже вне особой зависимости от его первоначального социального статуса в существующей родоплеменной иерархии. Ибо: «Батыра, воина рождает каждая вторая женщина, а бия — одна из тысячи» [4; 18].

Поэтому, когда в любой, даже не особо знатной семье появлялся одаренный ребенок, то приоритетом у его сородичей являлось стремление данные его способности апробировать именно на судебном поприще. В составе свиты такие дети сопровождали известных биев в их поездках по степи, осваивая все премудрости Степного судопроизводства. Бии, готовые их к дальнейшей самостоятельной деятельности, зачастую интересовались их личным мнением по поводу вероятного решения вопроса во время суда. Нередко доверяли им рассмотрение несложных конфликтных ситуаций.

Но чтобы начать свое профессиональное восхождение, юноша должен был продемонстрировать свой интеллект, знания, ум и умения перед сообществом биев уже только в конкретном деле. И, кроме того, обязательно получить «особое благословение, именуемое в народе «бата», у мудрых старцев». Получение «бата» являлось своего рода нематериальным «патентом» как для начала деятельности в качестве бия, так и для дальнейшего его продвижения по существовавшей среди биев иерархической лестнице. И чем выше был уровень претензии у претендента, тем выше должен был быть престиж того, кто давал ему это свое «особое благословение». Но тот, кто давал «бата», мог и отозвать его у бия за его неблагоприятные дела. Это считалось для последнего огромным позором.

Конечно, стартовые возможности у начинающих не могли быть равными. Однако знатность происхождения, богатство напрямую вовсе не обязательно гарантировали безусловный успех и всеобщее признание человеку уже в качестве бия. Ведь в казахской степи бий — это заслуживаемое звание, присваиваемое всенародным признанием. И оно не передавалось по наследству. Как отмечал Ч. Валиханов: «Значение их основано на честном авторитете, который они приобретают так же, как в Европе поэты, ученые и адвокаты. Шекспир и Гете считаются всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительств и на формальных выборах народа» [5; 91].

И, что самое главное, это признание не являлось «народной наградой», присуждаемой раз и на все времена. Авторитет этого звания он был просто обязан постоянно поддерживать и укреплять на протяжении всей своей жизни. В процессе многовековой практики в профессиональной среде уже между самими биями сложилась своеобразная иерархия. В ней, к примеру, определялись такие уровни: «ата би, т.е. старый, умудренный опытом бий; төбе би (төбе — вершина), т.е. верховный бий; катар би (катар — равный), т.е. равноправный участник судебного процесса; жеке би (жеке — индивидуальный), т.е. бий, принимающий решения единолично; төтен-би — чрезвычайный бий и бала би (бала — мальчик, ребенок, сын) — мальчик-бий [6; 124].

Арсенал критериев, на основе которых завоевывался именно данный вид всенародного признания, формировался в процессе многовековой практической жизнедеятельности самого народа. Претендующий на звание бия должен был обладать не только природными задатками, но и иметь опре-

деленное уважение и безупречную репутацию в своей среде. Хорошо знать историю своего народа и чтить народные традиции. При этом он был обязан не только безупречно помнить каноны обычного права, но знать и уместно использовать образцы устного народного творчества: крылатые фразы, изречения, поговорки, иносказательные сравнения и т.п. Но, как гласила народная мудрость: «Ценен язык, но ценнее в суде истина».

Ее установление в каждом конкретном случае требовало от бия наработку ряда качеств, определяемых непосредственно самим процессом судопроизводства. В силу однотипности большинства конфликтных ситуаций, возникающих в условиях консервативного образа жизни кочевников, этот процесс, в результате многовековой практики, носил своеобразный ритуальный характер.

«Каждое пастбищно-кочевое сообщество, основанное на родовом делении, малом или большом, имело своих биев, причем не одного. Население имело выбор, к кому обращаться. Предпочтение отдавалось биям ближе по кочевьям и более всех известным неподкупностью, знанием и мудростью, то есть тем, кто отвечал традиционным критериям судопроизводства» [4; 112]. Имея общие черты с правовыми системами кочевников центральноазиатского региона — гласность, открытость, демократичность, процесс судопроизводства биями у казахов отличался от них рядом особенностей. «Казахское право не знало смертной казни, лишения свободы, членовредительных наказаний, тюрем и зинданов, подземных камер заточения, так называемого уголовного наказания. Все судебные споры и самые сложные конфликты считались гражданско-правовыми, влекущими за собой имущественные, неимущественные, позорящие, примирительные и иные формы ответственности» [4; 20].

Традиционно, сам судебный процесс мог происходить при ставке хана, у бия, или в назначенных кочевых стойбищах. Это во многом определялось степенью важности, сложности и характером содержания самого конфликта. Элементы демократичности проявлялись при выборе количества биев (единоличный или коллегиальный), меры наказания (кун, айып и т.д.), предпочтения того или иного возраста биев (молодой или старый) и т.д.

Тем не менее, в любом случае сам процесс судопроизводства был обязан проходить в условиях открытости, гласности и доступности для всех желающих принять в нем участие. Естественно, что подобного рода процессы, учитывая влияние фактора генеалогического родства, привлекали к себе особое внимание. «Судопроизводство в казахском праве в «древней форме» было больше похоже на искусство особой его формы. Состязательность в судебном процессе нередко превращалась в состязательность сторон в доказательном красноречии и остроумии, основанном на исторических параллелях и прецедентах со ссылкой на авторитеты прошлых веков. Отсюда и многолюдность судебного слушания, собиравшего немало любопытных, особенно тогда, когда сходились известные бии разных родовых групп и регионов...» [4; 69].

Все это в совокупности придавало любому судебному процессу ярко выраженный зрелищный характер. В подобных условиях постижение истины представляло собой весьма непростой вид судебного разбирательства. Ведь бий здесь становился своеобразным «человеком-оркестром». Одновременно ему приходилось выполнять функции и следователя, и эксперта, и адвоката, и обвинителя, и судьи. Кроме того, он был обязан обладать неординарным мышлением, быть открытым для диалога, владеть искусством полемики, внешне сохраняя спокойствие и хладнокровие. Уметь выслушивать любое мнение и беспристрастно к нему относиться.

Таковы были непререкаемые нравственные принципы казахского правосудия. Третейство являлось одним из базовых принципов бийского суда. Суть его сводилась к тому, что судья избирался сторонами добровольно. А сам он должен быть незаинтересованной и нейтральной стороной. И как гласило одно из правил Степного закона: «Искусство бия состоит в том, когда он при решении судебного дела поступает так, будто он тонкий волосок делит на две равные части» [4; 39]. В противном случае любая, даже самая малая его оплошность могла отразиться на его репутации. Ведь именно народная молва, в конечном итоге, давал оценку любому его поступку.

Судебное разбирательство, естественно, завершалось вынесением бием соответствующего вердикта. Ведь бий-судья, выполняя посредническую миссию на судебном процессе, был обязан принять окончательное конкретное решение. И здесь он тоже вынужден был не выходить за рамки тех установившихся норм и правил, которые уже веками были апробированы его предшественниками.

У кочевников-казахов, как правило, «существовало три основные классификационные группы ответственности и наказания: кун — плата за убийство или за деяния, приравняемые к убийству; тогус, дословно «девятка», — имущественная ответственность, состоящая из девяти наименований; айып — форма прощения, извинения и штрафа. Все они имеют предметное выражение, преимуще-

ственно состоящие из поголовья конского и иного скота. Поскольку в каждом наказании, в том числе и за опасное деяние, присутствуют элементы примирения сторон, ответственность может иногда выражаться в форме брачных сделок» [4; 20].

Как видно, виды и формы ответственности, а отсюда и характер наказания в обычном праве казахов — были весьма разнообразны. Что значительно облегчало выбор бия в каждом конкретном случае.

Здесь обращает на себя внимание еще ряд особенностей, связанных с вершением правосудия биями. Прежде всего — это безоговорочная вера кочевников в справедливость решения суда. «Перед судебным заседанием, по установившейся традиции, стороны, а иногда с ними вместе и родственники, давали заверения суду о том, что, независимо от исхода, они примут то решение, которое будет вынесено бием. При широком распространении патриархальных представлений и сохранении аульно-общинного строя в хозяйстве нелегко было отказаться от публичного обещания» [7; 207].

Что, однако, вовсе не исключало возможность добиваться правосудия уже у другого бия. Или даже вершения обиженным самосуда в форме «барымты», похищения у обидчика его скота.

В массовом сознании народа судья-бий воспринимался как мудрец, способный установить истину. И как знаток законов Степи и судебных прецедентов, способный выступить в качестве справедливого посредника при разрешении любых жизненных коллизий. Таковым было всеобщее убеждение. Кроме того, в народе считалось, что: «Храбрый воин не даст врагам топтать свою землю, а би не даст конфликтам распространяться в народе» [4; 66]. Поэтому к числу своеобразных норм и установок, регламентирующих деятельность любого бия, относилась нацеленность любого его решения на примирение конфликтующих сторон. Ведь недаром считалось, что «творящий только суд не является бием, а бием-судьей является тот, кто приводит к примирению и перемирию сторон» [4; 96].

В связи с этим, в народном сознании существовало своеобразное убеждение, согласно которому «примирение есть цель и конец тяжбы». Естественно, иногда окончательное решение бия, в силу ряда причин, могло и не совсем устраивать основных участников судебного процесса. Но люди весьма дорожили честью и достоинством своего рода. Не случайно поэтому «стоило кому-то обратиться с просьбой о помощи или сделать ему снисхождение во имя традиций предков, то предавались забвению раздоры и обиды на ближних и неближних, все охотно шли на уступки и жертвы» [4; 92].

Важнейшей особенностью бийского судопроизводства являлось и то, что у кочевников-казахов не существовало специального аппарата или органов, предназначение которых сводилось бы к претворению в жизнь решений биев.

«Исполнение судебного решения возлагалось на самого потерпевшего или потерпевшую сторону. Согласно господствующему мнению, в кочевом обществе казахов персональная виновность воспринималась как виновность сообщества, коллектива, членом которого являлся виновный. Поэтому обеспечение исполнения решения бийского суда становилось коллективной обязанностью. В случае срыва исполнения судебного решения потерпевший (потерпевшая сторона) получала право на «барымту» — угон скота, главным образом, лошадей виновной стороны» [4; 69].

Все это служило весьма надежным фундаментом для самосохранения единства общества. Благодаря особой значимости идеи о единстве народа, которой и руководствовались бийское правосудие на практике, кочевникам-казахам удавалось сохранять свою социальную целостность на протяжении многих столетий. Конечно, качество этого единства не стоит особо идеализировать. Оно во многом зависело от влияния как объективных, природных, так и от субъективных факторов.

Последние во многом проявлялись в притязаниях семей родовых общин на лучшие пастбища и водные ресурсы. Естественно, эгоцентризм особо был характерен для представителей родоплеменной знати в лице баев, ханов, султанов. В этой связи, именно бии вносили свою посильную лепту в то, чтобы значительно снизить степень социальной напряженности, возникавшую вследствие проявления семейно-бытовых неурядиц, межродовых конфликтов, нередко переходивших даже в открытые войны.

Но в применяемом кочевниками-казахами институте посредничества при разрешении любого вида конфликтов четко просматривается принцип, согласно которому «справедливое состоит в воздаянии другому равным».

В процессе судопроизводства бии руководствовались, как известно, соблюдением принципа равенства «по количеству». Когда, как правило, именно скот, как основа жизнедеятельности кочевников, выступал в качестве количественной меры, определявшей собой равномерность в соотношении между виной и наказанием. Что, собственно, и выступало в качестве одного из ведущих критериев

при оценке справедливости судебного решения бия. А справедливость в почестях, воздаваемых каждому бию в народной памяти, напрямую зависела от тех заслуг, которые он имел среди своих соплеменников.

Но в 30-х гг. XVIII в. начался сложный процесс вхождения казахских земель в состав царской России. Это повлекло за собой коренные изменения практически всех сфер жизни кочевников. Что, конечно же, не могло не отразиться и на изменении роли всей, существовавшей до этого, судебно-правовой системы.

Современные отечественные ученые, занимающиеся исследованием своего исторического прошлого в данной области, путем получения представления о нем в формате «копирования с натуры», больше внимания, как правило, уделяют таким, к примеру, вопросам как: выявлению количества качеств, которыми должны были обладать бии; наследовалось данное звание, или нет; биями могли быть только мужчины, или и женщины и т.д. При этом каждая точка зрения подкрепляется тем или иным набором свидетельств, большинство из которых опирается на данные все той же народной памяти. А они, естественно, не могли не испытать на себе влияния различных форм мифологизирования.

Кроме того, при этом, чаще всего, большинство исследуемых проблем осуществляется с позиции противопоставления взаимоотношения между кочевниками и царской Россией в формате «метрополия–колония». Однако сущность происшедшего лежала несколько в иной плоскости. Культура кочевников-казахов, как островной части кочевой цивилизации, в силу эволюционного развития общества, была вынуждена вступать в конфликтную конфронтацию с совершенно иным типом культуры. Ведь конфликты чаще всего возникают тогда, когда кто-либо пытается «подчинить иную деятельность своим потребностям вне учета особенностей интересов иной деятельности» [8; 250].

Выводы

Институт посредничества в кочевой цивилизации казахов при разрешении конфликтов явился продуктом социального творчества самих кочевников. Он формировался на основе принципов, обеспечивавших их самоорганизацию и самосохранение как определенной социальной целостности.

Системообразующим при обеспечении справедливости при разрешении конфликтов у кочевников являлся принцип соответствия прав мере обязанностей каждого человека по отношению к требованиям, предъявляемых ему со стороны наличного природного и социального окружения.

Природосообразный формат справедливости в культуре кочевого народа казахов, равно как и космообразный формат справедливости в культуре древней Греции, в дальнейшем были вытеснены совершенно иной культурой правоотношений.

Истоки этой культуры восходят к квинитскому праву, синонимом которого сегодня выступает собственно римское (цивильное) право. При этом права и свободы, как формы своеобразных привилегий, лишались прямой и первоочередной их зависимости от меры выполненных человеком, или любым их коллективным сообществом, своих обязанностей. Сам же набор и характер этих прав и свобод теперь напрямую стал зависеть от их закрепления в соответствующем законе. Что является вполне естественным явлением в условиях доминирующей даже в современном обществе субъект-объектной парадигмы организации всех основных видов и форм его жизнедеятельности.

Знание и учет специфики исторического наследия кочевого цивилизации при разрешении конфликтов может оказать содействие в выработке суверенным Казахстаном собственной стратегии в противостоянии современным угрозам «пандемии синдрома «многополярного хаоса».

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта грантового финансирования молодых учёных по проекту «Жас галым» на 2022–2024 годы Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (АР 13268927 «Проблема институционализации социальной конфликтологии как науки в современном Казахстане»).

Список литературы

- 1 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 16.03.2022 г. «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz/ru>.
- 2 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 01.09.2022 г. «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz/ru>.
- 3 Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. А.М. Руткевич. — М.: Изд-во «Весь Мир», 1997. — 698 с.
- 4 Зиманов С.З. Суд биев — общекультурологическая ценность / С. Зиманов. — Алматы: Арыс, 2009. — 408 с.
- 5 Записка о судебной реформе. Собр. соч.: [В пяти т.]. — Т.4 / Ч.Ч. Валиханов. — Алма-Ата, 1985. — С. 77–104.
- 6 Еламанов К. Билердің құрылымдық жүйесі: Шаңырақ пен Пырақ / К. Еламанов. — Алматы: Жеті жарғы, 1999. — 176 б.
- 7 Зиманов С. Политический строй Казахстана первой половины XIX века и Букеевское ханство / С. Зиманов. — Алматы: Изд-во «Арыс», 2009. — 496 с.
- 8 Анисимов О.С. Методологический словарь / О.С. Анисимов. — 4-е изд., доп. и перераб. — М., 2008. — 414 с.

В.С. Батурич, С.Е. Шакиров

Билер соты көшпелі казак халқының мәдениетінде қақтығыстарды шешудің әлеуметтік феномені ретінде

Мақала көшпелі казак халқының өміріндегі түрлі қақтығыстарды өңсередегі жетістіктерін рефлексивті ұғынуға арналған. Қазіргі дәстүрлі «натурализмге» балама ретінде іс-әрекетке көзқарас әдістемесі бірқатар негізгі ұстанымдарды анықтауға мүмкіндік берді, соның арқасында ата-бабалар өздерінің алдында туындаған барлық өмірлік мәселелерді шешуге өз бетінше қол жеткізе алды. Өзін-өзі ұйымдас-тыру, халық есінің арқасында Жер бетіндегі барлық тіршіліктің табиғат тәрзідес айқындаушы ұстанымы ретінде қазақтардың әдеттегі құқығының негізін құраған киелі маңызды нормалар түріндегі өзіндік «белгілеуді» алғаны анықталды. Ал қазақтардың көшпелі өркениетіндегі делдалдық институты көшпенділердің әлеуметтік шығармашылығының жемісі болды. Бұған көбінесе билердің соты сияқты көшпенділердің әлеуметтік өнертабысы ықпал етті. Дәл осылар кәсіби негізде, әдеттегі құқық нормаларын қолдана отырып, әртүрлі жанжалды жағдайларды шешуде туыстарының арасында делдалдық қызмет көрсетуді жүзеге асырды. Адам есінің көмегімен билердің өздері иеленуі керек қасиеттердің өзіндік бір селекциясы туындады. Ол сонымен қатар билер өздерінің кәсіби қызметінде басшылыққа алуға міндетті болатын процедуралық нормаларды жетілдіруге, әділ сот жүргізуге ықпал етті. Қақтығыстарды шешу кезінде көшпелі өркениеттің тарихи мұрасының ерекшелігін білу және есепке алу егемен Қазақстанның «көпқолярлы хаос» синдромы пандемиясының қазіргі заманғы қатерлеріне қарсы тұруда өз стратегиясын әзірлеуіне ықпал етуі мүмкін.

Кілт сөздер: қақтығыс, сот төрелігі, медиация, жеке құқық, билер соты, дәстүрлер, өзін-өзі сақтау, субъект-объектілік парадигма, жариялылық, сабақтастық.

V.S. Baturin, S.Ye. Shakirov

The court of Biys as a social phenomenon of conflict resolution in the culture of the nomadic Kazakh nation

The article is devoted to the reflexive comprehension of the achievements of the nomadic Kazakh nation in overcoming various kinds of conflicts in life. The methodology of the activity approach, as an alternative to the modern traditional “naturalism”, allowed revealing a number of basic principles, due to which the ancestors managed to cope independently with the solution to all variety of arising problems of their life. It has been revealed that self-organization as a defining principle of the existence of all living things on the Earth, owing to the national memory, has received a kind of “objectification” in the form of sacral significant norms, which formed the basis of the customary law of the Kazakhs. The institute of mediation in nomadic civilization of Kazakhs was a product of social creativity of the nomads themselves. This was largely facilitated by such a social invention of nomads as the court of biys. On a professional basis and through the use of the norms of customary law, biys mediated among their relatives in resolving various kinds of conflict situations. With the help of human memory, there was a peculiar selection of those qualities which the biys themselves had to possess. It also helped to elaborate those procedural norms, which the biy had to be guided by in their professional activity, executing a fair trial. Knowledge and consideration of the specifics of the historical her-

itage of nomadic civilization in resolving conflicts can help sovereign Kazakhstan to develop its own strategy in confronting the modern threats of the pandemic syndrome of “multipolar chaos”.

Keywords: conflict, justice, mediation, private law, court of biys, traditions, self-preservation, subject-object paradigm, publicity, continuity.

References

- 1 Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana ot 16.03.2022 g. «Novyi Kazakhstan: put obnoveniia i modernizatsii» [Message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan of March 16, 2022 “New Kazakhstan: the path of renewal and modernization”]. *akorda.kz*. Retrieved from <http://www.akorda.kz/ru> [in Russian].
- 2 Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana ot 01.09.2022 g. «Spravedlivoe gosudarstvo. Edinaia natsiia. Blagopoluchnoe obshchestvo» [The message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan of September 1, 2022 “Fair State. One Nation. Welfare Society”]. *akorda.kz*. Retrieved from <http://www.akorda.kz/ru> [in Russian].
- 3 Ortega-i-Gasset, Kh. (1997). *Chelovek i liudi. Izbrannye trudy* [Man and people. Selected works]. (A.M. Rutkevich, Transl.). Moscow: Izdatelstvo «Ves Mir» [in Russian].
- 4 Zimanov, S.Z. (2009). *Sud biev — obshchekulturologicheskaiia tsennost* [The Biy Court is a general cultural value]. Almaty: Arys [in Russian].
- 5 Valikhanov, Ch.Ch. (1985). *Zapiska o sudebnoi reforme* [A note on judicial reform]. (Vols. 1–5; Vol. 4). Alma-Ata [in Russian].
- 6 Elamanov, K. (1999). *Bilerdin qurylymdyq zhuiesi: Shanyraq pen Pyraq* [Structural system of dances: Shanyrak and Buraq]. Almaty: Zheti zhargy [in Kazakh].
- 7 Zimanov, S. (2009). *Politicheskii stroi Kazakhstana pervoi poloviny XIX veka i Bukeevskoe khanstvo* [The political system of Kazakhstan in the first half of the XIX century and the Bukeev Khanate]. Almaty: Arys [in Russian].
- 8 Anisimov, O.S. (2008). *Metodologicheskii slovar. Chetvertoe izdanie, dopolnennoe i pererabotannoe* [Methodological dictionary. Fourth edition, expanded and revised]. Moscow [in Russian].